

Отец в коричневой повседневной одежде сидел в кресле с суровым лицом. Матушка расположилась рядом, и выражение её лица тоже было невесёлым.

Когда мы с Ли Жуюем вошли, лица родителей невольно просветлели. Не дожидаясь моих приветствий, отец поманил меня:

— Сыцзы, иди сюда.

Я с улыбкой подошла, оставив Ли Жуюя стоять одного. Он бросил на меня взгляд, полный упрёка: «Вот предательница!». Я сделала вид, что не заметила, обняла отца за руку и ласково проговорила:

— Папочка, как я давно тебя не видела.

Возможно, детское тело влияло на сознание, но в этом мире я особенно любила капризничать перед родителями. Сначала мне это было непривычно, а потом стало самой собой разумеющимся. Если вдруг я в какой-то день не говорила с ними по-детски или не вела себя наивно, мне становилось как-то не по себе.

Разумеется, мои родители — самая влиятельная чета в мире, и поддерживать с ними хорошие отношения было в моих интересах.

Мой «номинальный» отец, увидев меня, рассмеялся, подхватил и усадил к себе на колени. Мужчины этой эпохи были воинственны, даже среднего возраста мужчины чаще всего крепки и сильны, так что поднять моё хрупкое тело для него не составляло труда.

Матушка с притворной обидой произнесла:

— Сыцзы, ты сразу к отцу, а меня и внимания не удостоила?

Я поспешно повернулась к ней в объятиях отца:

— Мамочка!

Но отец не отпускал меня, шутливо спросив:

— Сыцзы, ты уже от папы отказываешься?

Я выскользнула из его рук, подбежала к матушке, взяла её за руку и подтянула к отцу. Затем, держа их обоих, радостно сказала:

— В семье должны быть и папа, и мама.

Ли Жуй смотрел на меня с нескрываемым презрением. В его взгляде читалось: «И тебе не стыдно? Тебе ведь уже двенадцать!». Я проигнорировала его, беззаботно улыбаясь и прижимаясь к родителям, пока они наконец не взяли за руки. Тогда я подбежала и к Ли Жую:

— И брат тоже должен быть.

Ли Жуй с натянутой улыбкой присоединился к нашей «игре». Хорошо хоть, он не был настолько глуп, чтобы меня разоблачить. Отец потрепал его по голове, матушка обняла меня за шею, и атмосфера между ними разительно переменилась. Поговорив о семейном, матушка первая завела серьёзную тему:

— Шестой сын уже подросток. Слышала, ты всё реже зовёшь евнухов, а предпочитаешь, чтобы тебя обслуживали девушки. Так ли это?

Ли Жуй покраснел. Матушка, конечно, была в курсе забав знатных юношей. Видя его смущение, она смягчила тон, погладила его по руке:

— Перед своими родителями стесняться нечего.

Почувствовав, что разговор клонится к щекотливой теме, я поспешно отвернулась, делая вид, что ничего не понимаю, и принялась тереть отцовскую бороду.

Отец с улыбкой отвел мою руку и добродушно сказал:

— Сыцзы, ты уже большая, как же можно так дурачиться?

Я высунула язык:

— Рядом с папочкой я навсегда останусь маленькой.

Отец, смеясь, обнял меня, погладил по голове и обратился к Ли Жую:

— Чжину, ты уже в том возрасте, когда тебе пора кое-чему научиться. Осенняя Слива из покоев твоей матери и Маленькая Слива из моих — обе из добропорядочных семей. Отдаю их тебе в услужение. Согласен?

Отец был человеком мягким: даже приказы отдавал изящно, словно советуясь. Матушка же, улыбаясь, стояла рядом, и даже в момент, когда она нежно обнимала младшего сына, от неё веяло незыблемым авторитетом.

Чунь Тао побледнела и тревожно взглянула на Ли Жуя, но тот даже не обратил на неё внимания. Отец, поняв ситуацию, с улыбкой взглянул на своего приближённого евнуха Гао Чанлина. Тот сделал едва заметный знак, и снаружи вошли две милостивые служанки.

Я их не узнала. Они семенили мелкими шажками, остановились в почтительном отдалении, синхронно поклонились. Отец спросил Ли Жуя:

— Нравятся?

Обе девушки слегка приподняли головы. Было видно, что они смущены, показав лишь поллица, взоры опущены. Обе были стройными и нежными, что отличалось от модного в ту пору типажа пышнотелых красавиц. Возможно, дело было в юном возрасте — они ещё не успели полностью развиться.

Ли Жуй пунцово покраснел, не решаясь поднять глаза, лишь украдкой бросил взгляд и едва заметно кивнул.

Чунь Тао, казалось, вот-вот прокусит губу. Глаза её наполнились слезами, но она не смела показать их перед императором, лишь чуть опустила подбородок. Она была из числа приближённых матушки, отвечала за воскурение благовоний, а когда приходилось обслуживать таких важных персон, как я или Ли Жуй, — просто подавала чай. Мы относились к ней почтительно. Среди придворных Дворца Личжэн она считалась одной из тех, кто пользовался определённым положением.

Но даже ей не позволялось плакать перед императором.

Более того, она не могла даже улыбаться по собственному желанию. Их выражения лиц всегда соответствовали настроению хозяев. Хозяева радуются — и они должны скромно улыбаться; хозяева печалются — и они должны сдержанно грустить.

Даже в прославленную позднее эпоху Тан права человека оставались большой проблемой. Аристократические кланы процветали, простой народ бедствовал, знать предавалась роскоши и удовольствиям, простолюдины влачили жалкое существование.

Вот одна из причин, по которой я так и не смогла принять эту эпоху. Я всегда смотрела на всё глазами человека из будущего, и во многих вопросах у нас с современниками не могло быть общего языка.

К счастью, я была принцессой, одной из самых знатных женщин своего времени. Мне не нужно было размышлять о чём-то глубоком — достаточно было мило улыбаться, капризничать, потом найти красивого мужа, родить пару смиренных детей, а когда мой брат станет императором — снова начать мило улыбаться и капризничать.

Вся моя жизнь могла бы пройти в таком покое и беззаботности, изо дня в день.

Возможно, именно этого и желали для меня родители. Взгляните: они дали мне имя «Тайпин» — «Великий покой», а титул — «Чанлэ» — «Вечное счастье». Неведомый мне уезд Чанлэ воплощал в себе самые светлые надежды моих нынешних родителей на мою судьбу, так что его основная функция — обеспечивать меня деньгами — оказалась в тени.

Впрочем, в конечном счёте я и не зависела от того жалкого жалованья. Хотя я ещё не достигла совершеннолетия, после того как Ли Жуй получил титул князя, отец пожаловал мне триста пятьдесят семей в качестве владения. Этими доходами управляла моя воспитательница, госпожа Ян. А различные подарки и личные средства, которые дарили мне родители, хранились у моей личной служанки Сяолан.

— О чём задумалась, Сыцзы? — ласково спросил отец, поднимая меня высоко в воздух. С детства здоровье моё было не самым крепким, отсюда и прозвище «Сыцзы». Сыцзы — имя мифического существа, которое, согласно учениям наставников, представляло собой нечто среднее между зелёным быком и носорогом, символ силы и здоровья. Насколько я могла судить, у этого тела, вероятно, было врождённое заболевание сердца, хотя стопроцентной уверенности у меня не было. В прошлой жизни я училась на врача в заурядном медицинском, но на втором курсе неожиданно умерла и очутилась здесь.

— Думаю, папа несправедлив, — полунаивно пожаловалась я. — Брату новых служанок подарил, а мне — нет.

Мои родители снова рассмеялись. Матушка отпустила Ли Жуя, подошла и, пока я была в объятиях отца, ткнула меня пальцем:

— Конечно, мы не можем обделить нашу Сыцзы. Мы с отцом уже решили: подберём для тебя несколько женщин-чиновников, чтобы они составили тебе компанию в учёбе. Хорошо?

Женщин-чиновников? Я с подозрением взглянула на матушку и заметила, как она переглянулась с отцом.

— Шестой сын уже вырос, ему пора учиться вместе со старшим братом, наследным принцем, — пояснила она. — Ты же ещё мала, одной во дворце будет скучно. А здешние придворные слишком низкого происхождения. Поэтому мы с отцом решили выбрать для тебя в подруги

девушек из знатных семей.

Невесту для наследного принца уже присмотрели, ждали лишь свадьбы. А теперь, под предлогом составить мне компанию, они, по сути, подбирали кадры для Ли Жуя. Всё под моим именем, а заботятся о сыне! Фу! Я бросила косой взгляд на своего «номинального» брата и увидела, как он, замороженный, уставился на Осеннюю Сливу и Маленькую Сливу, совершенно не замечая происходящего вокруг. Моё презрение к нему лишь возросло.

Чунь Тао быстро стала прошлым. Ли Жуй, получив двух служанок, с радостью затворился в своих покоях и зажил новой жизнью. На уроках он по-прежнему витал в облаках, а после занятий больше не болтал со мной, а спешил вернуться во дворец, оставляя меня одну томиться от скуки.

<http://bllate.org/book/16278/1465829>